

● «Есть какая-то неправда в том, что люди пишут симфонии и требуют за это денег у государства»

29

№82 (1204) 30.10—01.11.2006 г.

Новая газ. (октябрь)

Филипп Филиппов

01.12.06
(120421)

Заполненный зал и фортепиано. Но пальцы пианиста ни разу не дотрагиваются до клавиш — все слушают 4'33 минуты тишины. Так Джон Кейдж, композитор из прошлого века, когда-то шокировал мир, показывая, что музыка есть даже там, где ее нет.

Сегодня название «Ансамбль 4'33» носит детище музыканта и композитора Алексея Айги, который живет между Парижем и Москвой.

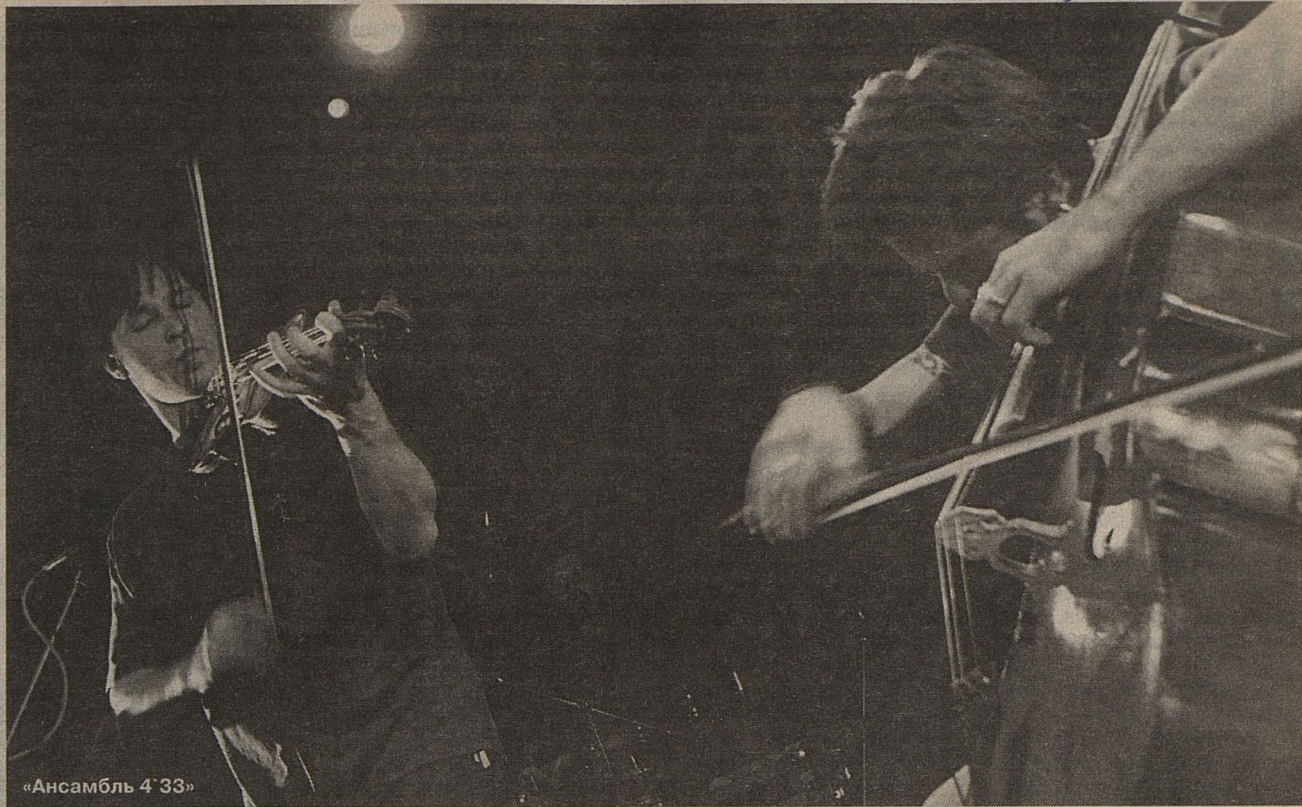
Для него все началось с игры на скрипке и изучения композиции, поиска себя в рок-группах и джазовых коллективах, а закончилось созданием собственного ансамбля, жанровая палитра которого не вписывается в традиционные рок, джаз или классику.

Еще Айги пишет музыку для кино. Самый нашумевший фильм с музыкой Алексея — «Страна глухих». За него он получил национальную премию кинопрессы «Золотой Овен» и был номинирован на «Нику» как лучший композитор. Он же музыкально оформил и другие фильмы Тодоровского — «Мой сводный брат Франкенштейн», «Любовник», детективный сериал Мороза «Каменская», историческую многосерийную драму Хотиненко «Гибель империи».

А еще Алексей написал музыку к серии немых кинофильмов, объединенных лозунгом «Немое кино — говорящая музыка». Среди них, например, «Счастье» Александра Медведкина 1934 года и «Дом на Трубной» Бориса Барнета.

Айги на данный момент — один из самых востребованных представителей другой музыки. Он не жалуется на судьбу и не терпит этого качества в коллегах. В выражениях и определениях чужого творчества не стесняется.

Максим ГОРЕЛИК

«Ансамбль 4'33»

— Алексей, выступая одновременно на академических и джаз-роковых фестивалях, вы чувствуете себя классиком или экспериментатором?

— Ни тем, ни другим. Причислять себя к какому-то лагерю — второстепенная задача. Не вписываясь в стилистические рамки, достаточно тяжело найти место для выступления, особенно при отсутствии круга близких по духу музыкантов. Но выбирать не приходится.

— Но у нас существуют объединения исполнителей, играющих свободную, неформатную музыку. Неужели вас не приглашали вступить в подобное сообщество?

— Какие с нами могут быть сообщества?! Нас пытались приписать ко «Вдоху» (ассоциация независимых музыкантов под руководством продюсера группы 5Nizza Эдуарда Шумейко, куда входят такие исполнители, как Пелагья, W.K., «Хоронько оркестр» и др. — Н.М.), но не получилось. Мы выступили на фестивале, а дальше дело не пошло. Если я вступлю в какую-то музыкальную организацию, значит, придется жертвовать чем-то своим. Не понимаю, зачем это нужно. Пропагандировать свою музыку я должен сам. Кроме того, пропаганда возможна через аудиовизуальные СМИ, а изменить радио и телеформат нереально.

— А если бы сообщество независимых музыкантов все-таки отвоило себе канал?

— Они бы там все перегрызлись. Да и потом у нас не так много талантливых музыкантов, которых можно постоянно крутить по телевизору. При этом каждый считает, что именно он-то и делает настоящую современную музыку, а остальные — нет. Это смешно, потому что все их эксперименты уже были совершены 30, 40, а то и 50 лет назад.

— По крайней мере эти люди пытаются хоть что-то противопоставить попсе...

— Попса не позиционирует себя как искусство. Это вещь, созданная для развлечения, наподобие похода в ресторан или еще куда-нибудь. Мне кажется, она как раз ведет себя достаточно честно. Люди зарабатывают деньги и не скрывают этого. Нечестно себя ведут современные музыканты. Они кричат: «Мы! Мы гении! Дайте нам скорее денег и запретите показывать по телевизору поп-певцов!». Хотя на самом деле интересная музыка не создана для радио и телевидения, на которых должно

Музыка для страны глухих

Алексей Айги:

«Если ты выбрал путь композитора, будь готов умереть на улице»

быть что-то легкое. Человек занимается творчеством в первую очередь для себя. А говорить, что ты делаешь это для человечества, несешь свет в массы, — демагогия.

— Как я поняла, с современными музыкантами вы не общаетесь...

— С теми, кто играет джаз, рок и так далее, — практически нет. Только со своими собственными. И на концерты я хожу редко. У меня есть несколько друзей в сфере академической музыки.

— Она еще жива в России?

— Как музейная ценность. Сама по себе она прекрасна, но никакого движения в ней не происходит, потому что все основные сочинения, которые играются в залах, написаны, в крайнем случае, 50 лет назад. А так в основном это XIX век.

— И тем не менее сейчас есть молодые талантливые композиторы — выпускники Пне-

синки, например, — которые не могут себя реализовать в силу отсутствия интереса к этой музыке и ее финансирования.

— Если ты выбрал путь композитора, будь готов умереть на улице. Мне жаль, что талантливые люди не могут себя найти, но это их проблемы. Это их осознанный выбор. Работа врачей и педагогов должна быть оплачена государством. А труд композиторов эфемерен, его нельзя оценить. Поэтому все их стенания бесновательны. Творчество — это то, без чего ты не можешь жить, оно не зависит от денег. Для меня есть какая-то неправда в том, что люди пишут симфонии и требуют за это денег у государства.

— Многие считают, что профессиональный музыкант отличается от непрофессионального тем, что зарабатывает деньги своим творчеством.

— Ну да. Но никто не обязан содержать большое количе-

ство музыкантов, их слишком много. Если ты не можешь заработать на этом поприще, значит, ты никому не нужен. Даже если у плохого финансового работника есть высшее образование, его все равно не возьмут на работу. Он же не будет при этом бегать и говорить: «Я профессиональный финансист, дайте мне денег».

— У нас в стране государство часто оказывает поддержку не самым талантливым музыкантам.

— Я никогда не получал денег от государства в той или иной форме. И не собираюсь. Поэтому мне совершенно все равно, кого оно поддерживает. Существует определенный круг знакомств и связей. Это все не имеет никакого отношения к музыке. Вообще музыка сейчас не занимает такого большого места в жизни общества, как, скажем, в XVIII веке. В то время не было других развлечений,

кроме нее, алкоголя и разврата. Сейчас существуют интернет, виртуальные игры. А музыка становится составной частью, в то время как раньше она была самостоятельной величиной.

— Музыка сильно абстрагирована от реальной жизни?

— С одной стороны, да, потому что она непонятна людям. Но с другой — композиторы делают то, что чувствуют. Мировой ужас, царящий сейчас, накладывает отпечаток на произведения. Поэтому искусство уже не очень интересно людям. Они хотят чего-то более легкого и расслабляющего.

— Музыка для кино, по-вашему, это особый жанр?

— Я не могу сказать, что пишу одну музыку для себя, другую для кино. Просто везде есть свои требования. В киноиндустрии они обусловлены определенными составляющими — монтажом, сюжетом, временем, в котором происходит действие. Это внешние ограничивающие рамки, в которых я пишу примерно ту же самую музыку. Яркое отличие в том, что часто для телевизионных работ просят написать такое, что можно было бы потом насвистеть и напеть.

— Эти требования сковывают вас?

— Не сильно. В основном они достаточно разумны. Я прекрасно понимаю, что пишу музыку к фильму и что для этого нужно. Здесь свои правила игры. Тебе платят деньги, и ты работаешь не для себя, а для общего результата.

— То есть для вас кино — прежде всего коммерческая деятельность?

— Есть проекты, просто интересные мне, есть чисто коммерческие. Безусловно, интересный жанр — музыка для немого кино.

— А в чем ее основные особенности?

— Музыка в немого кино играет гораздо большую роль. Она одна может рассказать все то, что в современных фильмах реализуется другими средствами. Обычно музыка составляет примерно одну пятую всего звукового ряда, а в немого кино она главенствует. Работать в этой сфере достаточно сложно, потому что для одной картины необходимо написать около часа музыки. Но это очень интересно, особый вид искусства. Жаль только, что таких фильмов немного. Это маргинальный жанр.

— Как вы оцениваете уровень киномузыки в России?

— Уровень киномузыки в нашей стране удручает. Старое поколение замечательных советских композиторов, на которых мы выросли, к сожалению, ушло в прошлое. Молодые же композиторы, за исключением некоторых исключений, чрезвычайно бедны.

— Куда же смотрят создатели кинокартин?

— Выбирать особенно не из чего. Иногда в качестве саундтреков берут просто что-нибудь модное. Кроме того, бюджеты, выделяемые на музыку, не позволяют производить качественный продукт.

— С музыкальной политикой все ясно. А насколько сильно вас волнуют общеполитические проблемы?

— Я слежу за тем, что происходит в стране. Когда убивают людей — это не может не тревожить. Основная проблема России в том, что у нас нет гражданского общества. Полная апатия. Никому ничего не нужно и не интересно. Не знаю, связано ли это с нашим менталитетом. Все-таки в 80-е годы народ ходил на митинги. Но народная активность погасла, и неизвестно, когда она снова проявится. Во Франции достаточно малейшего толчка, чтобы люди вышли на улицы; правда, их протест часто перерождается в поджоги машин и магазинов. Конечно, это крайние и неправильные формы, но это формы протеста изъяснения гражданской позиции, которой у нашего народа, похоже, нет вообще.

● Наталья МАЛАХОВА